

О Т З Ы В
об автореферате диссертации
на соискание ученой степени доктора исторических наук
ЛЕОНИДА КАЗИМИРОВИЧА ОСТРОВСКОГО по теме:
«Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX в.»
(Специальность 07.00.02 – Отечественная история).
Новосибирск, 2015. – 39 с.

Диссертация Л. К. Островского посвящена весьма актуальной обширной и многоаспектной теме. Так называемая «история поляков в Сибири», как традиционно, но в современном научном понимании недостаточно корректно, повелось ее именовать в историографии, остается до настоящего времени недостаточно изученной – как с точки зрения глубины и всесторонности, так и тем более, – целенаправленности и системности (равнозначно относительно и к Западному, и к Восточному ее регионам). При этом же следует подчеркнуть, что за последние без малого два десятилетия уже опубликован ряд специальных научно-теоретических работ (в частности, авторства рецензента данного автореферата) по методологии исследований указанной темы. В этих работах определены основные насущные аспекты и направления изучения рассматриваемой исторической проблематики. Тем самым обозначилось существенное продвижение в указанной области научных исследований.

В русле всего отмеченного диссертационное исследование Л. К. Островского представляется вполне своевременным и в определенном смысле даже закономерным, ибо его осуществлению должны вполне способствовать уже ранее выполненные очевидные научные «заделы». Казалось бы, и сам диссертант вполне согласен с такой оценкой достижений своих предшественников. «Усилиями российских и польских исследователей была создана теоретическая и методологическая основа постановки темы истории поляков в

Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века», – констатирует он (С. 12 рец. автореф.). Однако характерно, что приведенное утверждение диссертанта не подкреплено никакими отсылками на известные ему конкретные работы соответствующего характера. Также диссертант почему-то не уточнил, что выработанная предшествовавшими исследователями «теоретическая и методологическая основа» распространяется отнюдь не на одну лишь тему его собственной реферируемой диссертации. В свою очередь, отмеченное заметно осложняет последующий анализ рецензентом рассматриваемого аспекта диссертации.

Вслед за тем в изложенных в автореферате определениях самим диссертантом целей и задач его работы обнаруживается ряд непредвиденных и даже неожиданных, с научной точки зрения, трактовок, их автором никак не обоснованных. В частности, Л. К. Островский заявляет о том, что «целью [его. – **Б.Ш.**] исследования является конкретно-историческая характеристика польской диаспоры [в Западной Сибири] в обозначенный в диссертации хронологический период. – **Б.Ш.**] (см. С. 13 рец. автореф.).

Уже в первом абзаце автореферата (в разделе «Актуальность исследования») диссертант, в обоснование значимости своей работы, дословно высказывает следующие аргументы: «Актуальность данного исследования обусловлена возросшим научным интересом к такому явлению как диаспора, в котором этничность является одной из главных составляющих. *Трансформация этничности в диаспоре в процессе аккультурации составляет основу формирования новых гибридных субкультур* (выделено курсивом рецензентом. – **Б. Ш.**). (см. С. 3 рец. автореф.). Спустя еще один абзац в этом же самом разделе, его автор буквально заявляет: «Актуальность темы исследования продиктована важностью российско-польских отношений XIX–XX века. Без изучения российско-польских отношений

XIX–XX века невозможно воссоздать целостную и достоверную картину прошлого как России, так и Польши. Чтобы восстановить целостное представление о прошлом наших народов, необходимо углубленное изучение истории пребывания поляков на территории России, в том числе и в Сибири» (см. там же).

Таким образом, диссертант, возможно, не до конца осознавая это, трактует историю российско-польских отношений в рассматриваемый им период (а также, по аналогии, применительно и к иным хронологическим и территориальным рамкам), совместно с этнической составляющей диаспоры и всеми процессами трансформации ее форм и компонентов, – как очевидные прямые синонимы. Иными словами, диссертанту представляется бесспорным, будто бы все отмеченные им сферы тематического изучения идентичны друг другу, либо обозначают одну и ту же проблематику в нескольких, на взгляд Л. К. Островского, родственных, синонимичных формулировках.

Рецензент автореферата считает необходимым принципиально возразить против подобного подхода к изучаемой проблематике, составляющей и объект, и предмет диссертационного исследования Л. К. Островского. Совершенно очевидно, что проблематика диаспоры в Сибири (тем более, любой диаспоры) не является тождественной всему содержанию истории российско-польских отношений. В связи с отмечаемыми промахами диссертанта нельзя не высказать серьезного сожаления о том, что им не приняты во внимание давно уже опубликованные разработки (в том числе и автора данного отзыва) непосредственно затронутых в диссертации теоретико-методологических вопросов истории диаспор как в целом, так и собственно польских (общепринято обозначение последних термином «полония», или «полонии»). (В качестве примеров см.: **Шостакович Б. С.** К вопросу об употреблении слова «Диаспора» в значении научного термина // Диаспоры в историческом времени и простран-

стве: национальная ситуация в Восточной Сибири: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., 6–8 окт. 1994 г. – Иркутск, 1994. – С. 18–23; **Он же.** «Сибирско-польская» история и современный взгляд на ее содержание, задачи изучения и популяризации // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: сб. материалов междунар. науч. конф., Иркутск, 11–15 сентября 2000 г. – Иркутск, 2001. – С. 28–36; **Он же.** К постановке задач изучения сибирских полоний в историческом прошлом и настоящем // Полонии в Сибири, в России и в мире: Проблемы изучения. Материалы междунар. научного симпозиума (Иркутск, 8–12 сент. 2004 г.). – Иркутск, 2006. – С. 32–45).

При всем изложенном выше нельзя не заметить, что в своем постулировании целей диссертации ее автор крайне декларативен. Им не атрибутирован ни один из наиболее широко употребленных в ней терминов. К примеру, не разъяснено значение, вкладываемое диссертантом в понятие «диаспора», фигурирующее в его реферируемом исследовании. Также не конкретизирована ни одна из работ, которые, по собственным же его словам, образуют «теоретическую и методологическую основу постановки» темы его исследования.

В результате, по мнению рецензента автореферата, диссертантом соединены в некий общий умозрительный дискурс различные по самим видам их происхождения и содержания аспекты польско-сибирской истории (такое название последней уже около 20 лет назад ввел в ее историографию автор данного отзыва). Тем самым диссертант пытается представить анализ сложной и многоаспектной проблематики польско-сибирской истории как бы в нескольких ракурсах одновременно. На практике это сводится к обозначению ряда тематических направлений, которые, насколько удастся их проследить в автореферате, диссертант всего лишь формально декларирует в своей работе. Именно такой специфичный подход к

решению намечаемых исследовательских задач, по мнению рецензента, определяет исходную первопричину наличествующих в работе внутренних противоречий.

Из таковых отметим несколько характерных. Ранее уже рассмотренные определения актуальности и целей исследования в начале автореферата диссертации очевидно расходятся с формулировкой самой темы в заглавии диссертации. И далее. Диссертант приходит к заключению, что в конце XIX в. польская диаспора в Сибири была преимущественно «городской» (С. 34 рец. дисс.). Также он признает, что «для поляков в Сибири костел был не только местом молитвы», но и «центром общественной жизни» (С. 30 рец. дисс.). Не оспаривая данных наблюдений, рецензент полагает уместным заметить, что проявления национально-этнической специфики наверняка обнаруживались и в светской жизни, и могли быть прослежены также в условиях пребывания польского контингента в сибирской деревне. Но об этом в контексте автореферата вообще отсутствуют сведения. Однако и сделанные диссертантом выводы вполне подтверждают, что проблематика польской диаспоры вовсе не являлась тождественной всей истории выходцев из исторического пространства Речи Посполитой в Сибири (в том числе и в Западной), как изначально он же это априорно определил.

В диссертации также абсолютно не прояснена и такая весьма важная и сложная для разрешения проблема как этноидентификация в историческом прошлом объекта исследования диссертации – польского населения Западной Сибири. Вопрос, было ли изучаемое диссертантом в Сибири население безоговорочно стопроцентно польским, как это категорично декларируется в диссертации, либо же оно так идентифицировалось во многом по традиции, а возможно, таким его несколько превратно воспринимало местное «принимающее общество», лишь на первый взгляд прост. В действительности же, эта

проблема весьма нелегка для объективного научного решения. Между тем диссертантом она вообще не обозначена, да и сами критерии этноидентификации принадлежности к польской национальности совершенно не затронуты в автореферате. На взгляд рецензента, это тем более удивительно, что еще в начальном его разделе (об актуальности темы) диссертант отметил: «Трансформация этничности в диаспоре в процессе аккультурации составляет основу формирования новых гибридных субкультур» (С. 3 рец. автореф.). Однако во всем последующем тексте автореферата указанная проблема не получает никакого развития и о ней отсутствуют даже минимальные дальнейшие упоминания.

Между тем сам рецензент не только первым в существующей историографии, но и впоследствии неоднократно обозначал данную исследовательскую проблему (см. об этом новейшую публикацию: **Шостакович Б. С.** Исторические и современные парадигмы изучения польско-сибирской истории: взгляд из второго десятилетия XXI в. // *Sibirica* – сборник трудов по итогам польско-российских научных семинаров Варшава–Пултуск 1–15 сентября 2012 г.; Новосибирск, 8–22 сентября 2012 г. – Новосибирск, 2013. – С. 29–49).

Отмеченными недостатками не исчерпывается текст диссертации. В частности, в историографическом обзоре отметим упущение таких основополагающих исходных работ по изучаемой теме, как монография З. Либровича (Краков, 1884) и оригинальный в концептуальном отношении очерк Б. Пилсудского (Франция [Le Puy], 1918). Очевидно заметны и пробелы в блоке новейшей историографии по проблематике, непосредственно исследуемой диссертантом, вместе с явным недоучетом высказанных в ней принципиальных заключений. Это подтверждается приведенными выше отсылками на упущенные подобные публикации автора данных строк.

Как можно видеть, диссертационное исследование Л. К. Островского не свободно от существенных недостатков. Сознвая всю ответственность данного утверждения, рецензент, тем не менее, отнюдь не толкует его как указание на несоответствие рассматриваемой диссертации требованиям, предъявляемым к подобным квалификационным работам. В противоположность такому упрощенному заключению, рецензент считает важным подчеркнуть принципиально иное.

Рецензент полагает, что обнаруживаемые в диссертационном исследовании Л. К. Островского противоречия между теоретическим постулированием и практической реализацией проблематики темы в русле истории польской диаспоры в Сибири, в известной мере являются закономерным следствием широко распространенного в отечественном научном сообществе традиционалистского восприятия польско-сибирской истории, в том числе и одной из своего рода, условно назовем ее, «главных болевых точек» отечественной историографии темы. В последней традиционно повелось оценивать и трактовать польско-сибирскую проблематику, образующую в определенной степени обособленную область изучения в рамках истории региональной, зауральской, сибирской части России, как сугубо внутренний и даже маргинальный подраздел таковой. При этом значительной частью отечественных сибиреведов-регионоведов по сию пору неизменно упускаются из научно-исследовательского «поля зрения» наличие в этом, как им представляется, будто бы, «маргинальном» разделе истории Сибири (при его поверхностном восприятии), на самом деле неотъемлемо ему присущие также компоненты международной социо- и этно- специфики.

Именно попытка диссертанта экстраполировать полонийную проблематику польской (полонийной) диаспоры на тему истории «поляков в Сибири», неизбежно обнаружила далекие от

равнозначности контенты одного и другого тематических дискурсов. На современном научном уровне концептуальной разработанности обоих последних это подразумевает постановку вполне очевидных, необходимых для разрешения задач, однако же чрезвычайно масштабных даже для диссертационного докторского исследования. Речь идет о том, что предложенная диссертантом трактовка темы его исследования аксиоматично требует научного анализа исторических процессов формирования и практического функционирования «полоний» – как особой типологической формы собственно польских диаспор. Также вполне аксиоматично, что изучение в необходимой полноте указанного политематического комплекса невозможно без углубления в анализ особенностей развития не только лишь польской, но и смежных с нею иных этничностей в историческом мега-региональном геополитическом пространстве бывшей Речи Посполитой (в просторечии часто упрощенно-произвольно именуемом «Польшей», и также нередко – «Литвой») в социально-политических, этнологических, конфессиональных, ментально-культурных и иных аспектах. Иными словами, все отмеченное требует исследований широкого, многослойного материала из истории, по меньшей мере, около десятка стран, национальностей и этноменьшинств, применительно к их современным геополитическим реалиям (Польши, Литвы, иных стран Балтии, Беларуси, Украины, центрально-восточных частей Германии, исторических региональных провинций бывшей Австрийской империи, еврейских, немецких, французских этногрупп и т. д.).

Очевидно, диссертант не имел в виду ничего подобного, когда пытался, как это показалось ему логичным, прямо интегрировать проблематику диаспоры в собственно польско-сибирскую историю. Конечно, это серьезное упущение диссертанта. Однако будем откровенны и снисходительны, – далеко не только его одного. Также как и недостаточное внимание отечественного сибиреведения к

новейшим историографическим работам коллег в рассматриваемой области проявлено не только лишь диссертантом. Подобное уже сделалось вполне привычным явлением, на что автор данных строк многократно уже обращал внимание в своих публикациях, в том числе и в тех, что упомянуты выше в отсылках на них в рамках настоящей рецензии.

Рецензент призывает Совет, проводящий процедуру защиты диссертации Л. К. Островского, взглянуть на ее промахи с нестандартной и неформальной позиций, а именно, – с их косвенной стороны, как на своеобразный объективный позитивный научный урок. Речь идет о том, что критический анализ ряда дискуссионных постулатов диссертации стимулирует проявление исследовательского внимания к полиаспектной сущности затрагиваемой данной работой проблематики польско-сибирской истории. Серьезное обсуждение ряда противоречивых положений диссертации, пусть и косвенно, подтверждает необходимость преодоления традиционалистского догматизма и серьезной корректировки научной концепции исследуемой диссертантом темы вместе с разрешением еще остающихся на этом пути сложностей.

Наконец, следует взглянуть на те же дискуссионные вопросы с точки зрения формального соответствия специальности, к которой отнесено диссертационное исследование Л. К. Островского. Значительная доля аспектов «диаспорного» дискурса», заявленного в автореферате в качестве объединяющего исследовательского направления работы, насколько возможно судить по нему же, осталась в основном лишь обозначенной декларативно.

Но ведь в рецензируемой работе только это и могло быть сделано. В лучшем случае, как аннотируемый комплекс желательного и рекомендуемого параллельного изучения проблематики «полонии» (польской диаспоры) исследователями, специализирующимися в иной

профессиональной и тематической отраслях. Поскольку большинство последних не относятся к сфере специальности реферируемой диссертации, они в ее структуре должны быть более строго разграничены по установленным диссертационным нормативам. А именно, распределены по непосредственным специальностям: «Отечественная история» (07.00.02), в рамках которой выполнено собственно исследование Л. К. Островского, и «Всеобщая история» (07.00.03), которой по преимуществу соответствуют дискурсы в русле «диаспорной» (корректнее определяемой как «полонийной») проблематики.

Характеризуя далее уже в целом докторскую диссертацию Л. К. Островского как выносимую на процедуру защиты, рецензент предлагает квалифицировать ее значимость, прежде всего, с точки зрения реализации закономерного этапа поступательного развития вполне традиционалистского историко-систематизационного по своей сути научно-исследовательского дискурса изучаемой темы. Последний, как это и обозначено в непосредственном заглавии выносимой на защиту диссертации, предусматривает разработку хронологически периодизированного комплексного нарративного контента избранной исторической проблематики в достаточно продолжительном временном интервале (на протяжении около 40 лет) и на обширном пространстве (в пределах значительной части Западной Сибири и некоторых сопредельных с нею исторических геополитических территорий). Насколько рецензенту удастся судить по рецензируемому автореферату о практической реализации обозначенных целевых задач указанного дискурса, с нею Л. К. Островский как исследователь в целом справился.

В указанном ракурсе работа соискателя Л. К. Островского может быть признана вполне самостоятельным, в достаточной мере цельным, обобщающим исследованием по региональной

отечественной истории (истории польского контингента в западносибирском регионе в 1890-е – 1920-е гг.). Основная часть наработок диссертанта, включенных в диссертацию в качестве ее конкретно-содержательных и структурных компонентов может быть оценена позитивно. Представляется очевидным, что диссертантом выявлен и обобщен значительный репрезентативный источниковый и эмпирический материал в русле изучаемой проблематики. На данной добротной основе Л. К. Островский создал вполне самостоятельный, в определенной мере даже оригинальный исследовательский труд, который представляет широкое многоаспектное сводное исследование по польско-сибирской истории в обозначенных хронологических и территориальных рамках.

Реферируемая монография, безусловно, нуждается во внесении корректив в соответствующие диссертационные разделы и положения, с целью устранения отмеченных промахов в формулировках преимущественно теоретико-методологического характера. Отредактированная подобным образом окончательная версия монографии Л. К. Островского, могла бы заслуживать специального опубликования – уже как системное, собственно историческое монографическое исследование процессов появления, пребывания и деятельности в изучаемый хронологический период социо-этнических групп населения, в привычном обобщении обозначаемых как «поляки», в соответствующих территориальных рамках Западной Сибири,

Объемность научных работ соискателя по теме докторской диссертационной монографии наглядно подкреплена перечнем 34-х его публикаций, прошедших ту или иную степень научной апробации. В их числе – монография (объемом 460 с.), а также 16-ть размещенных в рекомендованных ВАК рецензируемых научных изданиях (см. С. 36–39 рец. автореф.).

На основании всего изложенного, с учетом высказанных принципиальных критических замечаний, рецензент автореферата диссертации Л. К. Островского на соискание ученой степени доктора исторических наук (по специальности 07.00.02 – Отечественная история), полагает возможным допустить соискателя к защите его диссертационного исследования в Совете по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 003.030.01 при ФБГУН: Институт истории Сибирского отделения РАН.

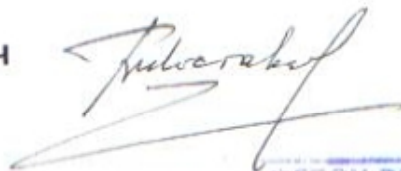
Рецензент –

профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета (ФБГОУ ВПО «ИГУ»), доктор исторических наук

Болеслав Сергеевич Шостакович

07. 04. 2015. Иркутск

Подпись проф. Б. С. Шостаковича заверяется:

ФБГОУ ВПО «ИГУ»
ПОДПИСЬ УДОСТОВЕРЯЮ
Специалист по кадрам
Ю.Э. Голомазова
_____ апреля 2015 г.